

ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ

ДИККЕНСА

The Life of Charles Dickens, by John Forster. Tauchnitz Ed. 1, 2 Vols.

Можно, кажется, сказать, что нѣтъ ни одного романиста, который пользовался бы такой всемірной популярностью, какъ Чарльзъ Диккенсъ, если только подъ словомъ «популярность» разумѣть нѣчто болѣе общеизвѣстности. Такихъ романистовъ, которые имѣли миллионы читателей, есть нѣсколько, кромѣ Диккенса. Но различіе его съ ними то, что въ то время, какъ нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли общеизвѣстность легкостью, забавностью, анекдотичностью своихъ произведеній, онъ сталъ всемірно популярнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова: кто его читалъ, не забывалъ его, сживается съ его типами, какъ съ живыми знаками жизни людьми, и ощущаетъ навсегда вліяніе на свой умъ этого великаго писателя. Другая особенность популярности Диккенса въ томъ, что хотя онъ, какъ рассказчикъ, строго устранялъ изъ своихъ произведеній собственную личность, стараясь не становиться между читателемъ и дѣйствующими лицами даже и для поясненія ихъ характеровъ и намѣреній, предоставляя имъ пояснять себя, по при всемъ томъ рѣдко читатели такъ тѣсно сближались именно съ личностью самого автора, такъ сильно привлекались къ нему, какъ то было съ Диккенсомъ. Это явленіе болѣе обусловлено особенностями какъ его таланта, такъ и его характера. Какъ ни устраняетъ себя Диккенсъ со сцепы сво-

ихъ разсказовъ, но въ самой манерѣ его такъ много оригинальности, въ изложеніи столько задушевности, что часто мы меньше интересуемся развязкою дѣйствія, чѣмъ чудесными свойствами того стеклышка, которое даетъ намъ этотъ авторъ и сквозь которое мы разсматриваемъ людей. А сверхъ того, мы хотя и не открываемъ у него никакой преднамѣренности, но выносимъ изъ его разсказовъ такое впечатлѣніе, что онъ возлюбилъ «труждающихся и угнетенныхъ», и въ особенности дѣтей, что онъ глубоко сочувствуетъ горю и всю силу своего таланта посвящаетъ этому горю бѣдныхъ и слабыхъ, отстаиваетъ человѣчность въ сферахъ самаго порока и преступленія, будитъ самодовольное общество воплями тѣхъ мученій, которыхъ оно не хотѣло бы знать. Преднамѣренность скрыта не только объективностью его разсказа, но и разнообразіемъ его пріемовъ. Онъ одинъ изъ первыхъ обличителей общественнаго зла въ романѣ; и несмотря на то, что послѣ него явилось много подобныхъ обличителей, они устарѣли, а не онъ, потому что они были болѣе рутинны, чѣмъ онъ. Дѣло въ томъ, что онъ не ограничивается обличеніемъ и не только не выступаетъ прямо въ такомъ качествѣ, но скрываетъ его другимъ пріемомъ: разрывая эти слои, уличающіе самодовольное общество въ эгоизмъ, онъ въ то же время, указываетъ посреди нихъ на такія чистыя, непорочныя натуры, иногда на такой истинный героизмъ какого-нибудь несчастнаго ребенка или убогой старухи, которые еще усиливаютъ обличеніе, а вмѣстѣ и разнообразятъ ту картину, которая иначе утомляла бы читателя. Онъ какъ-бы указываетъ цвѣтки въ открытой имъ ямѣ, и эти цвѣтки не заслоняютъ яму, напротивъ, сравнительно съ ними она выдается еще рельефнѣе; но они такъ подкупаютъ читателя своей художественностью, что онъ, не считывая на себѣ все впечатлѣніе, преднамѣренное авторомъ, только самаго преднамѣренія-то и не замѣчаетъ.

Другъ слабыхъ, защитникъ дѣтей, умѣющій вызывать въ умѣ нашемъ самыя сокровенныя, полусознанныя представленія и приводить въ движеніе самыя чувствительныя, такъ сказать интимныя струны души, пользуется во всемъ свѣтѣ сочувствіемъ столь же глубокимъ, какъ велико удивленіе къ его тонкому и увлекательному юмору. Но до сихъ поръ было неизвѣстно, что Диккенсъ самъ, лично, испыталъ часть того горя, которое онъ описываетъ, что онъ съ нищетою самъ нѣкогда стоялъ лицомъ къ лицу. Вотъ главный, существенный фактъ, впервые раскрытый книгою его друга Форстера. Форстеръ написалъ біографію Диккенса по смерти его, согласно выраженному имъ не разъ желанію. Съ этой цѣлью, Диккенсъ вручилъ своему другу въ раз-

ныя времена пѣсколько автобіографическихъ отрывковъ. Сверхъ того, у Форстера сохранились всѣ письма, полученныя имъ отъ Диккенса въ теченіи долговременнаго знакомства; сами по себѣ, собственныя воспоминанія Форстера о Диккенсѣ, его трудахъ, нравѣ и привычкахъ имѣли бы уже большое значеніе, такъ какъ изъ писемъ, приводимыхъ въ книгѣ, видно, что Диккенсъ совѣтовался съ нимъ о всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, просилъ его посредничества въ дѣлахъ, наконецъ считалъ его ближайшимъ повѣреннымъ своихъ мыслей, посылалъ ему до напечатанія все что писалъ, и въ бесѣдахъ съ нимъ дополнялъ устными разсказами то, что не было ясно изъ автобіографическихъ отрывковъ.

Сочиненіе Форстера еще не кончено; но въ той части, которая вышла въ свѣтъ, уже заключается все что намъ наиболѣе любопытно знать о Диккенсѣ, именно, какъ онъ изъ заброшеннаго, почти уличнаго мальчика сдѣлался тѣмъ, чѣмъ мы его знаемъ; какъ онъ работалъ, и какъ относился къ людямъ и учрежденіямъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать Форстеру, это тотъ, что онъ приводитъ иногда изъ имѣющагося у него матеріала — писемъ Диккенса, такіе отрывки, которые не заключаютъ въ себѣ почти ничего, кромѣ изліяній дружбы къ нему, Форстеру; иногда же пропечатываетъ такія фразы Диккенса, которыя тотъ хотя и могъ произнести въ фамиллярномъ, необдуманномъ разговорѣ, но вѣроятно ни за что не согласился бы признать въ самомъ дѣлѣ за выраженіе своихъ мнѣній. Такъ, напр., Диккенсъ шутилъ, будто онъ влюбленъ въ молодую королеву Викторію, и когда на жизнь ея въ первый разъ было сдѣлано покушеніе, то онъ выразился при Форстерѣ, что виновника слѣдовало бы «задушить перинами» для устрашенія поджигателей. Очевидно, что если такое шекспировское воспоминаніе и не было шуткой со стороны Диккенса, то во всякомъ случаѣ оно не выражало серьезнаго убѣжденія его, а было пропущено фразою, брошенною на вѣтеръ. Повторять такія фразы въ печати черезъ тридцать лѣтъ, влагая ихъ въ уста человѣку, который уже имѣетъ всемірное значеніе, значитъ поступать слишкомъ перациоально. Мало ли какая глупость могла сорваться съ языка у величайшаго генія. Все что Диккенсъ хотѣлъ сказать обществу, онъ сказалъ ему въ своихъ произведеніяхъ, а въ нихъ никогда и не звучало ничто, похожее на эту уродливую шутку. Въ этомъ же смыслѣ и изъ частныхъ писемъ Диккенса къ Америкѣ, во время первой его поѣздки туда (на этой поѣздкѣ оканчивается извѣстная намъ часть труда Диккенса), Форстеру слѣдовало выбирать поосмотрительнѣе, чѣмъ онъ сдѣлалъ.

Что онъ хотѣлъ дать, какъ свое мнѣніе объ американцахъ, то онъ тогда же далъ въ своихъ замѣткахъ объ Америкѣ (American Notes). Многія мѣста изъ своихъ писемъ Форстеру онъ самъ помѣстилъ въ эту книгу. Остальное, стало быть, онъ не хотѣлъ выдавать за свое мнѣніе, и Форстеру теперь слѣдовало не смѣшивать пустяковъ съ дѣломъ и не воспроизводить того, что могло быть капризомъ или шуткой, въ видѣ мнѣній великаго писателя. Такъ, напр., въ письмахъ Диккенсъ могъ много смѣяться надъ «плеваньемъ» американцевъ, гораздо больше, чѣмъ захотѣлъ бы заниматься печатно такимъ вздоромъ. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, что ни за что не согласился бы, не могъ бы жить въ Америкѣ, и самъ не объясняетъ почему: «слишкомъ много причинъ, чтобы излагать ихъ здѣсь», говоритъ Диккенсъ. А Форстеръ теперь это печатаетъ, и выходитъ, какъ будто Диккенсъ не могъ бы жить въ Америкѣ потому, что былъ аристократъ въ душѣ. Впрочемъ медвѣжьи услуги въ родѣ сейчасъ указанныхъ почти всѣ біографы, пользующіеся «частнымъ» матеріаломъ, оказываютъ своимъ героямъ. Біографъ еще въ большей степени, чѣмъ переводчикъ, traduttore, бываетъ — traditore.

За этой оговоркой относительно послѣдней вышедшей части книги Форстера, мы и не будемъ возвращаться къ ней, и обратимся прямо къ тому, что въ ней поваго, существеннаго, въ свѣдѣніяхъ о дѣтствѣ и первыхъ работахъ Диккенса.

I.

Чарльзъ Диккенсъ родился въ Портси 7-го февраля 1812-го года. Отецъ его былъ незначительный чиновникъ въ казначействѣ морского вѣдомства; его мать была изъ той же среды какого чиновничества. Изъ семерыхъ братьевъ и сестеръ его, теперь жива только одна сестра. Мальчикъ онъ былъ слабый и хилый, особенно въ раннемъ дѣтствѣ, такъ что чтеніе очень рано замѣняло ему игру съ товарищами. Охота къ чтенію рана была въ немъ матерью, которая не только обучила его грамотѣ, но какъ то обыкновенно бываетъ въ небогатыхъ семействахъ въ Англіи, дала ему все первоначальное образованіе, включая сюда разумѣется и основанія латинскаго языка. Изъ шести-семи отъ роду, Чарльзъ уже перечиталъ нѣсколько книгъ въ числѣ которыхъ были Дон-Кихотъ, Жиль Блазъ, Робинсонъ Крузо, Вѣкфильдскій священникъ, арабскія сказки и т. д. Необыкновенная наблюдательность и сила воображенія проявля-

ются во всѣхъ отрывкахъ, гдѣ Диккенсъ самъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ. Изъ этихъ воспоминаній тотчасъ убѣждаешься, что въ немъ и въ самомъ раннемъ возрастѣ проявлялась не одна только впечатлительность, общая всѣмъ дѣтямъ, но именно способность такъ сказать тотчасъ «причитать» къ впечатлѣнію — какую-нибудь идею, и тѣмъ самымъ закрѣпить это впечатлѣніе въ умѣ навсегда; и также, только наоборотъ — внутреннія понятія тотчасъ сопрягать съ вещественнымъ представленіемъ, съ образомъ, или звукомъ, или запахомъ, а при чтеніи все происходящее въ книгѣ тотчасъ переносить въ реальную область ближайшей, окружающей себя сферы. Такъ Диккенсъ помнилъ, какъ его учили азбукѣ, потому что помнилъ, какъ «добродушны» ему показались О и S посреди другихъ буквъ. Онъ читаетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался англійскій мореплаватель среди дикихъ, и нѣсколько дней ходитъ въ квартирѣ вооруженный колѣдкой; въ то время какъ онъ читаетъ, что матросъ лезетъ на мачту, онъ видитъ образъ человѣка, лѣзущаго на шпиль знакомой ему колокольни.

Изъ этой способности сопрягать мысль съ образомъ, и наоборотъ, естественно вытекала потребность собственнаго творчества. И вотъ, ребенкомъ, Диккенсъ уже написалъ трагедію «Миссаръ, султанъ индійскій».

До 9-го года Диккенсъ жилъ въ Чатамѣ и ходилъ тамъ въ начальную школу. Онъ отлично помнилъ разныя дѣйствительныя и воображаемыя происшествія, которыхъ свидѣтелемъ былъ лугъ, служившій ученикамъ мѣстомъ игры. Но въ то же время у него не менѣе крѣпко запечатлѣлся въ памяти такой чисто-отвлеченный фактъ, какъ сообщеніе ему, на этомъ же лугу, однимъ изъ товарищей, сыномъ чиновника поважнѣе, что на свѣтѣ существуютъ *радикалы*. Товарищъ объяснилъ ему, что есть «нѣкая ужасная шайка, называемая *радикалы*, которой принципы состоятъ въ томъ, что принцъ-регентъ носить корсетъ, что никто не имѣетъ права на жалованье, и что армію и флотъ слѣдуетъ отмигнуть», — часы, которые тревожили его въ постели, такъ что онъ молился, чтобы «радикалы» были скорѣе взяты и повѣшены. Изъ воспоминаній его дѣтства многое совершенно точно рассказано имъ въ «Давидѣ Копперфильдѣ»; тамъ же перечислены и книги, которыя любилъ читать Давидъ Копперфильдъ, то-есть Чарльзъ Диккенсъ: Roderick Random, Peregrine Pickle, потомъ тѣ, которыя уже названы выше и еще нѣсколько сборниковъ. Въ описаніи дѣтства Копперфильда вошли многіе отрывки изъ собственныхъ воспоминаній Диккенса, и кажется начальныя буквы имени

Давида Копперфильда не безъ намѣренія тѣ же, какъ Чарльзъ Диккенса (С. D.).

Чарльзу только-что пошелъ десятый годъ, когда отца его перевели на службу въ Лондонъ. Мальчикъ долженъ былъ распрощаться со школой, товарищами, съ почти деревенской жизнью, съ Эхтемомъ, гдѣ была «родина его фантазіи». Его отправили въ Лондонъ въ дилижансѣ, одного. Запахъ сырой соломы, служившей подстилкою въ дилижансѣ, навсегда оставался въ его памяти связаннымъ съ прїѣздомъ въ Лондонъ. «Кромѣ меня, внутри дилижанса, не было никого, одиноко поѣдалъ я мои бутерброды, и все время шелъ дождь, и жизнь показалась мнѣ грязноватѣе, чѣмъ я ожидалъ». Въ Лондонѣ Диккенсы тотчасъ попали въ крайне-стѣсненное положеніе, въ которомъ и оставались до тѣхъ поръ, пока Диккенсъ-отецъ не бросилъ ремесло чиновника и не сдѣлался газетнымъ стенографомъ. Постоянныя денежныя затрудненія, частыя сдѣлки съ кредиторами, нищета, а наконецъ и тюрьма за долги, и все это при невозмутимой безпечности и добродушіи отца Диккенса, послужили канвой для знаменитаго изображенія супруговъ Микоуберъ, которые постоянно переселяются изъ угла въ уголь, и при томъ все утѣшаются надеждою на нѣчто могущее «представиться» (something turning up) и выручить ихъ изъ бѣды; которые пишутъ отчаянныя письма, съ прощаньями на вѣки, какъ будто «на этотъ разъ» небо уже окончательно рухнуло надъ ними, а между тѣмъ, когда придешь провожать ихъ, то они сидятъ на верху дилижанса, улыбаются и грызутъ орѣхи.

Bauham-street въ то время (1821—22) была одна изъ бѣднѣйшихъ, отдаленныхъ мѣстностей Лондона. Узкая квартирка, съ несчастнымъ садикомъ, выходившимъ на грязный дворъ; рядомъ сосѣдка—прачка; сосѣдъ, напротивъ—полисменъ. Мальчкова, товарищей не было; совершенное уединеніе, но безъ природы, уединеніе на грязной улицѣ, среди нищеты—вотъ та обстановка, въ какую попалъ мальчикъ Диккенсъ. Горько ему было, что все хорошее, то-есть и луга, и близость моря, и паркъ, и книги, осталось далеко, въ Чатамъ; горько было, что нельзя было учиться, что его не посылали въ школу. «Но», замѣчая отъ себя Форстеръ, «онъ не зналъ, что въ дѣйствительности онъ поступилъ въ иную школу. Бессознательно, наблюдая окружающую нищету, и самоучкою додумываясь до вѣрной оцѣнки поступковъ окружающихъ его взрослыхъ людей, онъ учился въ то время именно тому, что ему необходимо было знать, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался впоследствии». Форстеръ для объясненія того, какимъ образомъ мальчикъ остался нѣкоторое

время безъ воспитанія и безъ присмотра, какъ бы заброшенный, приводитъ со словъ Диккенса слѣдующій портретъ отца его: «Отецъ мой одинъ изъ самыхъ сердечно-добрыхъ и великодушныхъ людей, какіе когда-либо бывали на свѣтѣ. Все, что я только могу припомнить себѣ изъ его поведенія относительно жены его, или дѣтей, или друзей, въ болѣзни и печали,—выше всякой похвалы. Когда я, будучи ребенкомъ, хворалъ, онъ день и ночь, безъ усталости, паблюдаль за мной, терпѣливо просиживалъ подлѣ меня многіе дни и многія ночи. Всякое дѣло, порученіе или обязанность, за какія онъ только принимался, онъ всегда исполнялъ усердно, добросовѣстно, аккуратно, честно. Трудолюбіе его всегда было безгранично. Онъ и гордился мною, по-своему, и особенно любовался моимъ умѣньемъ исполнять комическія пѣсни. Но природная его легкость характера (Диккенсъ не хотѣлъ сказать: безпечность, а называлъ это близко подходящими словами: the ease of his temper) и потому ограниченность его средствъ произвели то, что въ это время онъ повидимому совсѣмъ утратилъ мысль о доставленіи мнѣ вообще какого бы то ни было воспитанія, и о томъ, что на немъ лежала какая бы то ни было обязанность въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, я мало-по-малу былъ обращенъ къ чисткѣ его и своихъ сапоговъ по утрамъ, къ разнымъ домашнимъ работамъ, къ нянчанью своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ (всѣхъ насъ было тогда шестеро) и къ побѣгушкамъ такого рода, какой соотвѣтствовалъ нашей бѣдности».

Изъ этихъ побѣгушекъ, многія, какъ оказывается, имѣли цѣлью букиниста, скупаваго книги. Представьте себѣ десятилѣтняго мальчика, который приходитъ къ букинисту съ книгой, и съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ него нѣсколькихъ шиллинговъ, для необходимыхъ дома; а букинистъ, между тѣмъ, пропьянствовавъ ночь, по обыкновенію, ругается съ женой, ищетъ деньги въ карманамъ своего платья, и наконецъ даетъ, но не все, что слѣдуетъ по его же оцѣнкѣ! Остальное дополняетъ уже въ другой комнатѣ его жена. Этотъ мальчикъ — Диккенсъ. Родители его придумывали разныя комбинаціи, чтобы выпутаться изъ своего положенія, но всѣ эти комбинаціи, по очевидной безпечности ихъ—хотя Диккенсъ и Форстеръ не говорятъ этого—не удавались. Въ числѣ ихъ было основаніе школы, въ которой Диккенсъ хотѣла обучать дѣтей, присылаемыхъ въ Англію изъ Ост-Индіи, для воспитанія. Чарльзъ Диккенсъ разнесъ множество экземпляровъ объявленій объ этой школѣ. Но повидимому все основаніе ея состояло въ томъ, что пріискана была квартира нѣсколько лучше прежней, и на двери вывѣшена

была бронзовая доска съ надписью: Mrs. Dickens's Establishment. Предполагалось конечно, что они скоро разбогачьются отъ индійскихъ доходовъ, и самъ Чарльзъ впередъ утѣшалъ себя мыслью, что тогда ему можно будетъ учиться. «Но никто не явился въ нашу школу, говоритъ Диккенсъ, и я даже не помню, чтобы кто-нибудь, когда-либо, заявилъ желаніе поступить въ нее, или чтобы когда-либо дѣлались, какія бы то ни было приготовленія для пріема кого-нибудь въ нее». Понятно, что такимъ путемъ «школа» вмѣсто обогащенія привела совсѣмъ къ иному результату, а именно къ тюрьмѣ за долги. Со слезами бѣгалъ мальчикъ изъ дому къ отцу, когда тотъ былъ арестованъ, но еще не посаженъ въ тюрьму. Когда же, наконецъ, ворота тюрьмы приняли Диккенса старшаго и онъ сказалъ сыну: «теперь для меня зашло солнце навѣки», то мальчикъ былъ пораженъ глубокимъ горемъ и искренно принялъ такой исходъ за финальную катастрофу. Но очень скоро оказалось, что отецъ зажилъ въ тюрьмѣ съ обычною веселостью и беззаботностью, совершенно какъ мистеръ Микоуберъ. Вообще отношеніе Микоубера къ превратностямъ судьбы и самыя сцены, происходящія въ тюрьмѣ въ «Давидъ Копперфильдъ», были списаны съ натуры, изъ воспоминаній о томъ, какъ онъ мальчикомъ посѣщалъ отца и мать въ тюрьмѣ Маршалъси, и былъ тамъ «представленъ» ими другимъ заключеннымъ. Но испытанія мальчика не кончились тѣмъ, что домъ его былъ перенесенъ въ тюрьму. Ему предстояло испытаніе иного рода, именно паденіе до степени простого черно-рабочаго мальчика. Диккенсъ крайне тяготился впоследствии воспоминаніемъ объ этомъ времени своей жизни, и именно для «облегченія» себя отъ боли, какую оно ему причинило сперва, рассказалъ эти обстоятельства въ письмѣ къ своему другу Форстеру, а потомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, предпринялъ описать вообще свое дѣтство въ романѣ, что и послужило основой для «Копперфильда». Но и Форстеру онъ не при самомъ началѣ своей дружбы съ нимъ сдѣлалъ эти признанія, а сдѣлалъ ихъ онъ, между прочимъ, и съ той цѣлью, чтобы Форстеръ описалъ ихъ въ біографіи, по смерти Диккенса, что Форстеръ теперь и исполнилъ. Обстоятельства, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, относятся къ 1822-му году.

Въ то время славилась вакса Уоррена — Warren's Blacking 30, Strand — таковы были и названія этого знаменитаго продукта и его адресъ. Нѣкій родственникъ Роберта Уоррена, эксплуататора этой ваксы, Джонатанъ Уорренъ заявлялъ претензію, что настоящимъ изобрѣтателемъ «ваксы Уоррена» былъ онъ, и что Робертъ Уорренъ, устранивъ отъ дѣла законнаго отца этой ваксы,

эксплуатировалъ ее въ свою пользу. Весьма дальній родственникъ Диккенсовъ, Джоржъ Лемертъ купилъ у этого обиженнаго Уоррена его рецептъ и имя, за пожизненную ренту, и открылъ близъ того же Strand лавку «настоящей» уорренской ваксы. Адресъ его былъ: 30, Hungerford-stairs, Strand, при чемъ, для нѣрвѣйшей конкуренціи цифра 30 и названіе Strand, которые были одинаковы съ адресомъ Роберта Уоррена, печатались на объявленіяхъ крупно, а имя самаго мѣста, Hungerford-stairs, какъ неподходящее къ дѣлу, печаталось мелкимъ шрифтомъ. Въ это-то коммерческое предпріятіе мальчикъ Диккенсъ былъ отданъ своими беззаботными родителями. Ихъ прельстило, что ему назначалось жалованье, которое составляло сперва шесть, потомъ семь шиллинговъ въ недѣлю. Диккенсъ въ одномъ изъ автобіографическихъ отрывковъ, которые онъ далъ Форстеру, такъ говоритъ объ этомъ рѣшеніи: «мнѣ удивительно, какъ могли меня такимъ образомъ бросить на произволъ судьбы въ такомъ возрастѣ. Я не понимаю, какъ никто не имѣлъ достаточно жалости къ ребенку замѣтныхъ способностей, понятливому, прилежному, слабому, такому, котораго легко было обидѣть физически и нравственно, — и не заикнулся, что слѣдовало найти какія-нибудь средства — невозможно это не было — чтобы опредѣлить меня въ какую-нибудь школу. Должно быть, друзья наши уже устали помогать намъ; ни одинъ изъ нихъ не откликнулся. Отецъ мой и мать были совершенно довольны, такъ довольны моею судьбой, какъ будто бы мнѣ было двадцать лѣтъ, и я, съ отличіемъ окончивъ средній курсъ, поступалъ въ кэмбриджскій университетъ».

Складъ ваксы помѣщался въ старомъ, полуразрушенномъ домѣ, выходившемъ на Темзу и наполненномъ крысами. Диккенса посадили сперва въ особую каморку въ томъ этажѣ, гдѣ помѣщалась контора. Работа его состояла въ томъ, чтобы объявлять банки съ ваксою. Банки онъ долженъ былъ сперва помыть сверху бумагой, пропитанной масломъ, потомъ синей бумагой, обвязать покрывку шнуркомъ, обрѣзать вокругъ бумагу, а когда такимъ образомъ было готово нѣсколько «гроссовъ» ваксы, — наклеивать на каждую печатный ярлыкъ. Въ первый же день, въ нему въ каморку явился мальчикъ въ разорванномъ платьѣ и бумажномъ колпакѣ, чтобы показать ему, какъ это дѣлается; мальчикъ этотъ назывался Bob Fagin; его имя впоследствии дано было Диккенсомъ одному изъ лицъ «Оливера Родственникъ Диккенса намѣревался сперва учить его чему-нибудь во время обѣда, каждый день; но конторскія занятія

мѣшали исполненію этого намѣренія, которое и было скоро оставлено. вмѣстѣ съ тѣмъ Диккенсъ перешелъ изъ своей отдѣльной каморки въ общую комнату, гдѣ еще нѣсколько мальчишковъ занимались тѣмъ же самымъ дѣломъ, какъ и онъ. «Нѣтъ словъ», говоритъ Диккенсъ въ своей запискѣ, «чтобы выразить эту скрытую муку, какой подверглась моя душа, когда я палъ до этого положенія и этого общества, сравнивалъ моихъ новыхъ товарищей съ друзьями моего ранняго дѣтства, и почувствовалъ, что всѣ мои надежды стать, выросши, образованнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, были сокрушены. Я не могу теперь выразить съ достаточной силой моихъ тогдашнихъ чувствъ: признанія, что я совершенно заброшенъ и лишенъ всякой надежды, стыда, винушеннаго мнѣ моимъ положеніемъ, горя, съ какимъ мое юное сердце чувствовало, что вотъ день за днемъ во мнѣ изглаживается, улетаетъ отъ меня навсегда все то, чему я учился, о чемъ думалъ, чѣмъ наслаждался, что возвышало и воображеніе мое и мое стремленіе къ развитію. Вся моя природа до того была пассивно проникнута горемъ и униженіемъ всѣхъ этихъ соображеній, что я даже теперь, несмотря на то, что извѣстенъ, обласканъ, счастливъ, иногда забываю въ своихъ грѣзахъ, что у меня есть любимыя мною жена, дѣти, забываю даже, что я взрослый человѣкъ, и снова мысленно брожу въ томъ времени моей жизни». Диккенсъ въ это время жилъ, то-есть спалъ, дома, у родителей; обѣдъ онъ или бралъ съ собой, или покупалъ гдѣ-нибудь въ лавкѣ, по близости къ складу своего хозяина, кусокъ хлѣба и сыру или говядины. По субботамъ ввечеру, получивъ свои шесть шиллинговъ, онъ забывалъ горе, и идя домой съ удовольствіемъ останавливался передъ окнами лавокъ, думалъ о томъ, что можно купить на эту сумму. Онъ обыкновенно покупалъ себѣ Hunt's roasted corn (ржаной кофе), «британскій и патриотическій продуктъ, замѣняющій кофе», и дешевый листокъ періодическаго изданія.

Но родители Диккенса, продолжая свое «микоуберовское» житье, довольно часто должны были переѣзжать съ квартиры на квартиру. Когда это случилось съ ними вновь, въ первый разъ послѣ того какъ Диккенсъ былъ «пристроенъ» къ вѣкъ, то, чтобы ему не было слишкомъ далеко ходить на работу, она помѣстили его къ старушкѣ, содержавшей нѣчто въ родѣ пріюта, то-есть квартиру, гдѣ помѣщалось нѣсколько дѣтей за плату. За исключеніемъ платы за квартиру и одежды, Чарльзъ Диккенсъ въ это время содержалъ себя совершенно самъ, то-есть кормился исключительно на свои 6 или 7 шиллинговъ въ недѣлю. «Я не имѣлъ ни указанія, ни совѣта, ни одобренія, ни

утѣшенія, ни поддержки ни отъ кого, Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель», пишетъ самъ Диккенсъ. Но падо привести нѣсколько чертъ изъ тогдашней его жизни въ собственномъ его описаніи.

«Я былъ еще такой ребенокъ и такъ мало способенъ заботиться о всемъ моемъ существованіи, что поутру, идя къ Huntford-stairs, я не могъ иногда устоять противъ соблазна при видѣ черстваго пирожнаго, выставленнаго у дверей пирожныхъ лавокъ въ Тоттенгамъ-Кортъ; и часто я издерживалъ на это пирожное тѣ деньги, которыя должны были служить мнѣ на обѣдъ. Тогда я такъ и оставался безъ обѣда, или покупалъ булку, или ломоть пуддинга. Были двѣ лавки, торговавшія пуддингомъ, между которыми я дѣлалъ выборъ, смотря по состоянію своихъ финансовъ. Одна была на дворѣ, вблизи церкви св. Мартина; ея теперь нѣтъ слѣда. Тамъ продавался пуддингъ съ коринками, пуддингъ особаго сорта; но онъ былъ дорогъ: на два пенни его давали не больше, чѣмъ можно было имѣть обыкновеннаго пуддинга на одинъ пенни. Хорошій обыкновенный пуддингъ продавался въ другой лавкѣ, на Страндѣ, гдѣ-то тамъ, гдѣ теперь Лаутерова аркада. Это былъ плотный, здоровый, тяжелый пуддингъ, съ большими изюминами, воткнутыми въ цѣломъ видѣ, но на большихъ разстояніяхъ одна отъ другой. Онъ являлся горячимъ около полудня, ежедневно, и много, много разъ имъ и ограничивался мой обѣдъ. Полчаса намъ давалось на чай. Когда денегъ у меня было довольно, я ходилъ въ кофейню и бралъ порцію кофе, съ ломтемъ хлѣба съ масломъ. Когда денегъ не было, я ходилъ на (цвѣточный) рынокъ въ Ковент-Гарденъ, и тамъ глядѣлъ на анапасы. Одну изъ кофеенъ, въ которыя я ходилъ, помню и теперь, то-есть помню только, что она была вблизи церкви св. Мартина, и что у ней въ двери было овальное стекло, на которомъ была накрашена надпись Coffee-room, обращенная къ улицѣ. Во мнѣ и теперь, если, зайдя въ совсѣмъ новую кофейню, я замѣчу на стеклѣ такую же надпись, и прочитаю ее на выворотъ: moog-eeffoc (какъ я тогда часто дѣлалъ въ печальномъ раздумьѣ), во мнѣ и теперь какъ будто содрогается кровь».

Диккенсъ-старшій въ тюрьмѣ сохранялъ свое жалованье; жена его жила съ нимъ тамъ же, и они держали при себѣ маленькую служанку, которая, впрочемъ, имѣла ночлегъ не въ тюрьмѣ, а по близости къ ней, въ наемномъ углу. Диккенсы жили въ тюрьмѣ съ большимъ комфортомъ, чѣмъ когда-либо прежде на свободѣ. Чарльзъ, вставъ утромъ, отправлялся завтракать дождомъ, то есть въ тюрьму, и туда же приходилъ ужинать, а возвращался на свою квартиру въ девять часовъ вечера, такъ

какъ въ десять часовъ ворота тюрьмы запирались. Отъ своихъ товарищей по ваксильному дѣлу онъ хранилъ въ тайнѣ горькій фактъ, что настоящій домъ его въ тюрьмѣ. Разъ съ нимъ въ складѣ случился припадокъ спазмъ, которымъ онъ страдалъ съ первыхъ лѣтъ жизни. Къ вечеру, хотя онъ поправился, его не хотѣли отпустить домой безъ провожатаго, и одинъ изъ мальчиковъ, старше его, по имени Бобъ Фагинъ (имя это встрѣчается въ «Оливерѣ Твистѣ») взялся проводить его. Надо было идти ужинать: куда?—въ тюрьму. Поэтому Чарльзъ на дорогѣ всячески старался отвязаться отъ своего провожатаго, но тотъ не оставлялъ его. Такимъ образомъ, они пришли къ соутворкскому мосту. Здѣсь Диккенсъ остановился у одного дома, и распросился съ Бобомъ Фагинымъ, оставляя его при мысли, что онъ, Диккенсъ, живетъ въ этомъ домѣ. «Для большей же вѣрности, рассказываетъ онъ, на случай, если бы мой провожатый обернулся посмотрѣть на меня, я постучалъ въ дверь этого дома, и когда мнѣ отворила женщина, то я спросилъ у нея, не здѣсь ли живетъ мистеръ Робертъ Фагинъ?»

«Нисколько не преувеличиваю, ни намѣренно ни ненамѣренно, того недостатка средствъ и тѣхъ трудностей къ существованію, какими я былъ обставленъ въ то время. Достоверно, что если мнѣ кѣмъ-нибудь дарился шиллингъ, то я издерживалъ его на прокормленіе, чтобы пообѣдать или выпить чаю. Достоверно, что я работалъ съ утра до ночи, оборваннымъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ грубыми людьми и дѣтьми. Достоверно, что я безуспѣшно пробовалъ не издерживать впередъ части своего заработка, такъ чтобы онъ кормилъ меня всю недѣлю; съ этой цѣлью я раздѣлялъ свои деньги на равныя части въ шесть пакетиковъ, и держалъ ихъ такъ въ ящикѣ, который былъ у меня въ конторѣ; на каждомъ пакетикѣ былъ написанъ день. Достоверно, что я блуждалъ по улицамъ голодный или худо накормленный. Достоверно, что если бы меня не охраняло одно Провидѣніе, я легко могъ сдѣлаться воришкой и бродягой, до такой степени обо мнѣ мало заботились».

II.

Чарльзъ Диккенсъ и впоследствии, въ зрѣломъ возрастѣ, не только горевалъ надъ первой порой своей жизни, какъ временемъ утраченнымъ для умственнаго развитія, но, очевидно, и стыдился его, стыдился что въ дѣтствѣ былъ чернорабочимъ. Это ясно уже изъ того, что рассказъ его объ этомъ Форстеру

имѣлъ именно характеръ открытія глубокой тайны, факта, о которомъ онъ до того не проговорился ни словомъ никому, даже женѣ, и изъ того, что фактъ этотъ впервые дѣлается общеизвестнымъ только теперь, уже послѣ смерти великаго писателя. Но въ извиненіе Диккенса можно привести ту особенность именно англійскаго общества, что въ немъ гранямъ между различными слоями придается значеніе неподвижныхъ, безусловныхъ. Въ противоположность американскимъ условіямъ, въ Англии какъ бы предполагается, что рабочій родился рабочимъ и долженъ умереть рабочимъ. Для сына чиновника сдѣлаться чернорабочимъ было паденіе не только въ отношеніи матеріальной обстановки, но и въ отношеніи «порядочности». И хотя теперь соотечественники Диккенса, узнавъ, что онъ когда-то перевязывалъ банки съ ваксой, конечно не уменьшаютъ своего уваженія къ нему, а напротивъ, какъ и естественно, будутъ еще болѣе уважать его тѣмъ, пробившійся сквозь такую тяжелую обстановку, но такое рациональное отношеніе возможно теперь потому, что Диккенсъ былъ въ живыхъ. А когда онъ при жизни былъ предметомъ почитанія въ обществѣ лордовъ и богатей, то если бы кто-нибудь шепнулъ въ то время, что рука, пожимаемая милордомъ такимъ-то, когда-то была «запачкана» ваксой, — то еще спрашивается, не пашлись ли бы и такіе highly respectable люди, которые были бы смущены этимъ обстоятельствомъ. Таковъ исторически обусловленный складъ англійскаго общества; онъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе измѣняется, это правда, но ни въ сороковыхъ годахъ, когда Диккенсъ впервые получилъ известность, ни даже теперь, унаслѣдованныя воззрѣнія далеко еще не исчезли окончательно. Прибавимъ, что всего тверже они держатся именно въ сословіи высшей, богатой, наслѣдственной буржуазіи. Фабрикантъ мистеръ Домби гораздо непреклоннѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ сами потомки сподвижниковъ Вильгельма Нормандійскаго.

Форстеръ пробуетъ опредѣлить тѣ выгоды и невыгоды, какія вытекаютъ изъ характера Диккенса изъ той тяжелой, почти нищенской обстановки, чрезъ какую онъ прошелъ въ дѣтствѣ. Одна выгода очевидна, именно—близкое знакомство съ тѣми страданіями бѣдныхъ классовъ, и особенно принадлежащихъ къ нимъ дѣтей, которая онъ потомъ описывалъ съ такой громадной силой при всей простотѣ приѣма, обусловленной объективностью рассказа. Другая выгода заключалась въ томъ, что характеръ нервнаго, добросердечнаго мальчика до нѣкоторой степени закалился въ борьбѣ за собственное существованіе и вмѣстѣ въ сознаніи преобладающихъ униженія и несправедливости. Форстеръ рассказы-

ваетъ, что иногда въ Диккенсѣ, съ которымъ онъ состоялъ въ непрерывной дружбѣ тридцать лѣтъ, вдругъ выступали такія особенности характера, которыхъ въ обыкновенное время никто не подозрѣвалъ въ этомъ чувствительномъ, мягкомъ, добродушномъ, до крайности впечатлительномъ человѣкѣ, именно какая-то жесткая рѣшимость, даже суровость и непреклонность воли. Невыгода же воспоминаній о пережитомъ въ дѣтствѣ, по словамъ Форстера, заключалась отчасти и въ нѣкоторой самонадѣянности, которую Диккенсъ какъ-бы воспитывалъ въ себѣ, для того чтобы сдерживать овладѣвавшее имъ порою, при мысли о прежнемъ положеніи, чувство неловкости и уклончивости. Отъ этого чувства неловкости онъ страдалъ сознательно, но отъ преувеличенія самонадѣянности, которою онъ старался побѣдить это чувство, онъ иногда несознательно впадалъ въ затрудненіе, то-есть слишкомъ легко принималъ на себя тяжелыя обязательства, въ надеждѣ на свою непобѣдимую волю, и притомъ на рѣшеніяхъ своихъ, принятыхъ даже иногда слишкомъ поспѣшно, настаивалъ иногда даже съ нѣкоторой запальчивостью.

Конецъ его занятій въ школѣ ваксы былъ положенъ случайностью. Отецъ его, который по безпечности допустилъ сына до такого положенія, самъ однакожь не могъ не считать это положеніе униженнымъ. И вотъ, онъ однажды разсердился на хозяина своего сына, какъ Диккенсъ - младшій догадывался, за то собственно, что хозяинъ приказалъ мальчику работать у окна, для свѣта. «У окна» — значитъ на виду прохожихъ. Онъ послалъ съ сыномъ письмо, которое разсердило хозяина, и въствѣствіе этой ссоры мальчикъ былъ взятъ назадъ, причемъ получилъ отъ хозяина отличный аттестатъ.

Сомнительно впрочемъ, чтобы этотъ аттестатъ по полученіи его когда-либо видалъ свѣтъ божій, такъ какъ изъ словъ Диккенса видно, что и отецъ и мать его въ послѣдствіи ни словомъ не поминали прошлое, имѣвшее связь съ ваксою, не только при комъ-либо изъ постороннихъ, но даже и передъ сыномъ; молчали о томъ времени, какъ будто его никогда не бывало. Двадцать пять лѣтъ Диккенсъ не слыхалъ объ этихъ фактахъ ни слова, до тѣхъ поръ, когда самъ разсказалъ ихъ другу своему Форстеру. «До тѣхъ поръ, когда Hungerford-stairs не былъ уничтоженъ», писалъ онъ въ своемъ признаніи, «и видъ мѣстности не измѣнился окончательно, у меня не хватало мужества сходить туда, гдѣ началось мое рабство. Такъ, оставаясь въ этомъ мѣсто, я уже никогда и не видалъ его. Я не былъ въ состояніи даже приблизиться къ нему. Виродолженіи многихъ лѣтъ, идя по Странду, когда проходилъ мимо лавки Роберта Уор-

рена, — переходилъ на другую сторону улицы, чтобы не услышать нѣкотораго запаха цемента, которымъ заливаются пробки на банкахъ ваксы; запахъ этотъ напоминаетъ мнѣ, чѣмъ я былъ когда-то. Долго я не могъ подниматься вверхъ по Чандос-Стри-ту, а завидѣвъ старую дорогу, по которой я тогда хаживалъ домой, я плакалъ въ то время, когда мой старшій ребенокъ уже началъ говорить». Конкуренція Роберту Уоррену окочилась въ послѣдствіи тѣмъ, что Робертъ Уорренъ купилъ складъ своего конкуррента.

Мать Диккенса старалась уладить ссору, такъ чтобы мальчикъ остался при работѣ, но отецъ рѣшительно воспротивился возвращенію его туда, и помѣстилъ его въ школу, гдѣ Чарльзъ провель затѣмъ два года (1824 — 26), въ качествѣ полупансіонера. «Знаю», пишетъ Диккенсъ въ своемъ «признаніи», — потому что разсказъ его о пребываніи въ черной работѣ былъ оставленъ такъ, какъ бываетъ представлено признаніе въ тяжелой винѣ, педающей покою совѣсти, — «что всѣ эти вещи сдѣлали меня тѣмъ что я есть; но все-таки, я въ послѣдствіи пикогда не забылъ, никогда не забуду, не въ состояніи забыть, что моя мать жарко отстаивала мысль о возвращеніи меня въ работу». Въ школѣ, впрочемъ, Диккенсъ научился немногому, да въ ней, судя по отзывамъ старыхъ товарищей Диккенса, помѣщеннымъ въ книгѣ Форстера, и нельзя было многому научиться. Диккенсъ занимался тамъ болѣе сочиненіемъ повѣстей и драматическихъ пьесъ, которыя представлялись учениками, и изобрѣтеніемъ особаго «иностранныя языка», посредствомъ вставокъ между словами англійскихъ словъ, какого-нибудь одного, вѣчно повторяющагося слога. Мальчики ходили по улицѣ, громко разговаривая на этомъ языкѣ, и были очень довольны, когда прохожіе принимали ихъ за иностранцевъ. Но когда, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, Диккенсъ-старшій съ успѣхомъ принялся за ремесло галетнаго стенографа и уже сидѣлъ въ галереѣ палаты общинъ, то молодой Диккенсъ рѣшился самъ озаботиться о томъ, чтобы пріобрѣсть такое образованіе, которое дало бы ему возможность современемъ приняться за то же ремесло. Съ этой цѣлью онъ сталъ усердно посѣщать публичную бібліотеку въ британскомъ музеѣ, и всѣ свои книжныя познанія онъ тамъ и пріобрѣлъ. Въ 1828 и 1829 годахъ онъ, изучивъ съ необыкновенной легкостью стенографское искусство, работалъ въ разныхъ судахъ, среди всѣхъ этихъ усиленныхъ работъ его поддерживала любовь; онъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которая по положенію была гораздо выше его, влюбленъ безнадежно. Ее онъ изо-

Бразиль въ Копперфильдъ въ увлекательномъ образѣ Доры. Но его Дора въ дѣйствительности не умерла въ молодости. Когда ему было уже 44 года, онъ опять встрѣтился съ этою живою Дорою, и даже сдѣлалъ ей визитъ со своей женой. Когда младшему Диккенсу наконецъ открыли доступъ въ галерею палаты общинъ, въ качествѣ рипортера газеты «True Sun», ему было 19 лѣтъ (1831). Потомъ онъ работалъ для газеты «Mirror of Parliament» и наконецъ для «Morning Chronicle». О стенографской его дѣятельности намъ незначѣмъ распространяться. Скажемъ только, что безпрестанныя поѣздки, связанныя съ этою должностію, разумѣется, обогатили сферу его наблюденій, а изученіе парламентскихъ обычаевъ и языка дало ему новый источникъ для юмора, который отразился въ запискахъ «Пиквикскаго клуба».

III.

Первый литературный опытъ Диккенса, явившійся въ печати, былъ разсказъ «A Dinner at Poplar Walk», который онъ отправилъ въ редакцію журнала «Monthly Magazine». Когда онъ, купивъ нумеръ журнала, увидѣлъ въ немъ свою статью «во всемъ печатномъ величій ея», то спрятался поскорѣе съ улицы въ вестминстерскій залъ, потому что у него потемнѣло въ глазахъ отъ радости и отъ слезъ. Разсказъ былъ, разумѣется, отданъ даромъ. За нимъ въ теченіи двухъ лѣтъ послѣдовали еще пять, которые всѣ были напечатаны, и всѣ даромъ. Когда же Диккенсъ затѣмъ явился къ редактору для договора о гонораріѣ за будущую работу въ томъ же родѣ, то редакторъ, за неимѣніемъ средствъ, долженъ былъ отказаться отъ предложенія молодого писателя. Послѣдніе изъ этихъ разсказовъ появились уже съ подписью столь знаменитаго впослѣдствіи псевдонима Вoz. Происхожденіе этого псевдонима объясняется ребяческою шуткой. Младшаго брата своего Августа, любимца семейства Диккенсовъ, Чарльзъ называлъ именемъ, взятымъ изъ «Векфильдскаго священника» Мозесъ, и въ сокращеніи «Мозъ». Мальчика драли тѣмъ, что произносили это прозвище зажавъ носъ; выходило «Бозъ». Вoz такъ и сдѣлалось фамильярнымъ прозваніемъ маленькаго Августа. Этимъ именемъ Диккенсъ и подписывалъ свои «Очерки» (Sketches, by Voz). Эти очерки стали являться въ вечернемъ изданіи «Morning Chronicle», которое выходило подъ титуломъ «Evening Chronicle». Сохранивъ свою работу для утренняго изданія въ качествѣ рипортера, Диккенсъ давалъ

свои очерки для вечерняго изданія, и за это ему прибавлено было жалованья, а именно вмѣсто прежнихъ пяти гиней, онъ сталъ получать семь гиней (около 50 рублей) въ недѣлю. Право отдѣльнаго изданія «Очерковъ» въ двухъ томахъ, въ 1836 году, онъ продалъ книгопродавцу Макрону, за 150 фунтовъ. Въ этомъ же году Диккенсъ женился на Катеринѣ Гогартъ, дочери другаго рипортера газеты «Chronicle», и началъ писать первое свое произведеніе, получившее огромную извѣстность, а именно «Пиквикъ». Книгопродавцы Чапманъ и Голль, заручившись сотрудничествомъ хорошаго рисовальщика, предприняли издавать мѣсячными выпусками, цѣною по шиллингу, какія-нибудь сцены изъ лондонской жизни, съ рисунками. Такимъ образомъ и возникли «Посмертныя записки пиквикскаго клуба, изданныя Бозомъ». Издатели предполагали, что главное дѣло будетъ состоять именно въ рисункахъ, а не въ текстѣ, и предлагали Диккенсу устроить текстъ на манеръ того, какъ въ старину писались либретто для итальянскихъ оперъ, то-есть, что текстъ долженъ служить предлогомъ для рисунковъ, и приноровляться къ нимъ. Въ особенности предполагалось представлять разныя случайности «спорта», то-есть верховой ѣзды, охоты, рыбной ловли и т. д. Но Диккенсъ съ самаго начала объявилъ, что онъ не властенъ надъ своими мыслями, и что лучше будетъ если рисунки обусловятся текстомъ, а не текстъ рисунками. Впрочемъ, именно со спеціальной цѣлью дать просторъ карандашу рисовальщика сценъ спорта, онъ вставилъ въ свой разсказъ столь извѣстную фигуру мистера Винкля, который слыветъ отчаяннымъ спортсменомъ, но на дѣлѣ всегда оказывается плохъ. Съ концомъ 1836-го года, онъ прекратилъ свои стенографическія занятія, и въ то же время написалъ, по особымъ случаямъ, фарсъ и текстъ для оперы; обѣ пьесы имѣли успѣхъ.

Нѣтъ надобности излагать по книгѣ Форстера полную біографію Диккенса, да впрочемъ въ біографіи Диккенса и нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что уже изложено выше съ подробностію, то-есть, кромѣ того факта, что человѣкъ безъ средствъ, безъ помощи, безъ систематическаго образованія сдѣлался Диккенсомъ. Остальное время его жизни можно передать въ нѣсколькихъ словахъ: писалъ, получалъ большія деньги, приобрѣлъ громадную популярность, ѣздилъ два раза въ Америку; издавалъ журналъ, давалъ публичныя чтенія, наконецъ умеръ. Для насъ не такъ важна, какъ для англійскихъ читателей, и хронологія его произведеній, и описаніе людей, съ которыми онъ былъ въ дружбѣ. Но намъ, почти такъ же какъ и англичанамъ, интересно знать: какой человѣкъ былъ Диккенсъ,

какъ онъ писалъ, какая была главная его цѣль, его убѣжденіе, наконецъ, какимъ образомъ онъ распоряжался своей работой, и какую цѣнность на деньги представляютъ въ Англіи литературныя произведенія первостепеннаго свойства.

Характеръ Диккенса какъ человѣка отчасти уже обрисованъ. Возьмемъ у Форстера описаніе наружности. Черты лица его были очень хороши; славный лобъ, твердо очерченный носъ, съ широкими поздырями; глаза горѣли умомъ и были переполнены юмора и веселости, ротъ нѣсколько выдавался и былъ отмѣченъ сильной чувствительностью (?). Очертаніе головы было правильное, и держалъ онъ ее всегда прямо, съ особенной бодростью. Волосы въ молодости были русые, густые и длинные; усовъ, бороды и бакенбардовъ онъ долго не носилъ, запустилъ бороду уже на второй половинѣ жизни. То выраженіе лица, которое не измѣнилось и съ годами, Форстеръ опредѣляетъ такъ: «каждая черта этого лица выражала быстроту соображенія, пропитательность и практическую силу, дышала энергією и жаждою дѣятельности, однимъ словомъ, нѣчто говорившее мнѣ о человѣкѣ, посвятившемъ себя изученію чего-либо или о писателѣ, чѣмъ о человѣкѣ дѣйствія, о «дѣловомъ» свѣтскомъ человѣкѣ. Лицо это свергало свѣтомъ и движеніемъ. «Оно было какъ-бы изъ стали», сказала г-жа Карлейль.

«Очерки» Боза имѣли большой успѣхъ, когда вышли въ отдѣльномъ изданіи; они были болѣе замѣчены, чѣмъ первый выпускъ «Пиквика»; но «Пиквикъ» скоро затмилъ ихъ и далъ автору сразу необыкновенную популярность. Успѣхъ Пиквика сталъ сказываться при выходѣ 4-го и въ особенности 5-го выпуска, въ которомъ является извѣстный слуга мистера Пиквика. Самъ Уэллъръ, и тогда къ Диккенсу явился уже другой книгопродавецъ Бэнтли. Диккенсъ заключилъ съ нимъ довольно стѣснительныя для себя условія относительно предоставленія издателю также помѣсячно другой повѣсти въ то время, когда еще Пиквикъ далеко не былъ оконченъ. Такимъ образомъ, Диккенсъ писалъ для Чапмана и Голля «Пиквика», и для Бэнтли въ то же самое время писалъ «Оливера Твиста». Тотъ и другой романъ Диккенсъ писалъ въ видѣ сценъ или отрывковъ, самъ не зная, что будетъ впереди, то-есть имѣя идею, но рѣшительно никакой опредѣленной заранѣе программы.

Чтобы показать, какую цѣну имѣли уже въ то время работы Диккенса «на рынкѣ», приведемъ слѣдующій примѣръ. Выше сказано, что право отдѣльнаго изданія своихъ «Очерковъ» Диккенсъ продалъ книгопродавцу Макрону за 150 фунтовъ. Когда сталъ выясняться успѣхъ «Пиквика», купленнаго Чапманомъ

и Голлемъ, Макронъ придумалъ выпустить «Очерки» вторымъ изданіемъ въ точно такомъ видѣ, въ какомъ выходилъ «Пиквикъ». Диккенсъ пришелъ въ негодованіе, что такимъ образомъ старому произведенію придается видъ новаго, и убѣдилъ Чапмана и Голля перекупить у Макрона «Очерки». Макронъ не согласился продать ихъ дешевле двухъ тысячъ фунтовъ. Чапманъ и Голль заплатили эту сумму, и все-таки въ послѣдствіи имѣли барышъ на самыхъ «Очеркахъ», а Макронъ, заплатившій за нихъ всего 150 фунтовъ, получилъ такимъ образомъ, сверхъ всего своего барыша отъ перваго изданія, еще 2,000 фунтовъ, то-есть болѣе 14 тыс. рублей. Что касается «Пиквика», то его успѣхъ былъ колоссальный. Первый выпускъ разошелся на первый разъ въ 400 экземплярахъ; пятнадцатый же выпускъ печатался уже въ болѣе 40 тысячахъ экземпляровъ.

Въ то время Диккенсу было 25 лѣтъ отъ роду и живая природа его не переносила слишкомъ долгой, усидчивой работы. Отдыхалъ же онъ отъ нея — верхомъ. Тогда онъ еще «не хозяйственно» распоряжался своей работой; работалъ поздно вечеромъ, иногда ночью, и работалъ нѣсколько дней къ ряду усиленно, такъ что наконецъ не могъ выдержать долѣе, и тогда писалъ Форстеру самыя убѣдительныя просьбы «отправиться отдохнуть» съ нимъ. Отправиться отдохнуть, это значило, что они утромъ встрѣтятся въ татерсальѣ, и выѣдутъ, часовъ въ 11-ть, верхомъ на прогулку верстъ въ 25-ть, то-есть часовъ на семь, такъ какъ по дорогѣ они останавливались завтракать, а въ 6-ть часовъ обѣдали вдвоемъ, въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Подъ старость Диккенсъ замѣнилъ верховую ѣзду ходьбою, но всегда разумѣлъ отдохновеніе отъ усиленной работы въ такомъ смыслѣ, чтобы побѣдить усталость ума усталостью физическою. Форстеръ говоритъ, что и ходилъ онъ «слишкомъ много». Диккенсъ любилъ ходить ночью по Лондону, и посѣщать разныя мѣста, памятыя ему съ дѣтства. Вообще въ воспоминаніяхъ изъ дѣтства онъ всегда былъ привязанъ необыкновенно, какъ будто дѣтство было «главною» эпохой его жизни. Старинный домъ Gad's Hill, близъ Чатама, о которомъ онъ слышалъ, что тамъ жилъ Фальстафъ, и оттуда нападалъ на проѣзжихъ, имѣлъ для него въ дѣтствѣ нѣчто особенно привлекательное. Разъ отецъ сказалъ ему, указывая на этотъ домъ: «если будешь сильно работать, то можешь быть и самъ будешь жить въ такомъ домѣ». Диккенсъ купилъ въ послѣдствіи этотъ домъ.

Въ первыхъ контрактахъ своихъ съ издателями Диккенсъ, не говоривъ себѣ никакой преміи, никакой доли въ барышахъ, соответствовало числу продаваемыхъ экземпляровъ, и въ то же

время слишкомъ попадѣвшись на свои силы, принималъ на себя слишкомъ стѣснительныя условія относительно сроковъ оконченія работъ. Такъ, мы видѣли, что онъ одно время имѣлъ три помѣсячныхъ работы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сама физическая невозможность легко должна была повести къ измѣненію условій, такъ какъ въ интересѣ самыхъ издателей не могло быть настаивать на всѣхъ срокахъ ко вреду достоинства работы. Но въ первомъ отношеніи, то-есть въ томъ, что касалось платы, издатели воспользовались вначалѣ безпрепятственно неопытностью молодого писателя, закабалили и эксплуатировали его, какъ итальянскіе импрессаріи дѣлаютъ съ начинающими пѣвцами. По словамъ Форстера, Диккенсъ за «Пиквика», самое популярное въ Англіи изъ всѣхъ его произведеній, получилъ всего 2,500 фунтовъ. По нашимъ условіямъ, и эта сумма (около 20 т. р. по нынѣшнему) довольно почтенна. Но вѣдь при продажѣ 40 тысячъ экземпляровъ одного выпуска, по шиллингу, Чапманъ и Голль получали за одинъ выпускъ «Пиквика» около 12 тысячъ рублей!

Сознавше, что онъ работаетъ не для себя, что онъ обезпечиваетъ будущность не своего семейства, а первыхъ книгопродавческихъ фирмъ Лондона, погружало его иногда въ уныніе. Но работы, принятія на старыхъ условіяхъ, надо было оканчивать на старыхъ условіяхъ и быть осторожнѣе впередъ. Когда же, по окончаніи «Пиквика», Чапманъ и Голль обратились къ нему съ новыми предложеніями, и онъ обѣщаль имъ романъ «Nicholas Nickleby», то Диккенсъ выговорилъ себѣ уже слѣдующія условія: романъ онъ обязывался доставлять въ частяхъ помѣсячно (для изданія опять выпусками), и послѣдній доставить въ двадцатый мѣсяцъ; за каждую часть онъ долженъ былъ получать по 150-ти фунтовъ, всего 3 тысячи фунтовъ, но только за право изданія втеченіи пяти лѣтъ, по прошествіи которыхъ романъ становился собственностью автора. Въ этихъ условіяхъ и былъ написанъ и доставленъ съ апрѣля 1838-го года по октябрь 1839-го года романъ «The Life and Adventures of Nicholas Nickleby».

И работа, въ это время, производилась уже болѣе «хозяйственнымъ образомъ», то-есть по утрамъ, а не ночью, и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы быть постоянно впереди типографіи на пол-выпуска или на выпускъ, чего прежде никогда не бывало. Диккенсъ рассчитывалъ впередъ: такого-то числа онъ сдѣлаетъ пять «лоскутковъ», такого-то восемь, а иногда и пятнадцать. Но всякъ, кто занимался литературной работою, знаетъ, что такія механическія условія къ ней примѣнимы далеко не

безусловно, хотя и то мнѣніе, что будто работу слѣдуетъ откладывать до «священныхъ» часовъ охоты или вдохновенія, основано отчасти на лѣности. Охота часто тотчасъ придетъ, когда работникъ только прикоснется къ занимающему его сюжету; но тогда мысль дѣйствительно какъ-бы возстаетъ противъ призыва къ заказу, и тогда дѣло не идетъ на ладъ. Особенно трудно рассчитывать впередъ работу для беллетриста. Но мы видимъ, что Диккенсъ рассчитывалъ ее, а вѣдь самый характеръ его изложеній и вся прелесть его письма заключались именно въ оттушевкѣ всякаго слова. У него нѣтъ ни пространныхъ разсужденій на одну тему, ни длинныхъ описаній, которыя можно было бы дѣлать «во всякое время», и безусловно нѣтъ общихъ мѣстъ. Мало того, что типы его очевидно были уже готовы во всей полнотѣ, во всей реальности жизни, когда онъ касался ихъ первымъ же словомъ въ изложеніи, вся манера его, совершенно устраняющая всякаго расквашника, заставляющая людей и вещи самихъ раскрывать свой смыслъ и обрисовывать себя просто тѣмъ, что они постепенно выдвигаются впередъ какъ-бы изъ тумана, вся эта манера, казалась бы, исключала возможность скорой, заказной работы. И однакожь онъ работалъ скоро, по заказу, къ мѣсячнымъ срокамъ, съ учетомъ впередъ количества ежедневной производительности. Но естественно, что иногда мысль его не отвѣчала на призывъ. «Вчера до обѣда я все думалъ объ Оливерѣ», пишетъ Форстеру; «и только-что впился въ него зубами и когтями, какъ вдругъ меня позвали къ Катѣ; однако мнѣ удалось сдѣлать восемь лоскутковъ, а сегодня утромъ надѣюсь дополнить ихъ до пятнадцати». Жена его родила за три дня передъ тѣмъ, и потому его работа въ эти дни, разумѣется, прерывалась. А вотъ въ слѣдующей недѣлѣ онъ опять пишетъ Форстеру: «сидѣлъ терпѣливо дома и все ожидалъ Оливера Твиста, который такъ и не пришелъ». Это значитъ, что несмотря на намѣреніе писать, онъ ничего не могъ написать.

Имѣя цѣлью только сообщить изъ книги Форстера нѣсколько чертъ для характеристики личности Диккенса, мы должны оставить въ сторонѣ критическое отношеніе къ нему какъ къ писателю, которое завело бы насъ далеко отъ Форстера. Но Форстеръ, впрочемъ, оцѣниваетъ и общественное и литературное значеніе главныхъ произведеній своего друга, но никакъ не держится въ узкихъ предѣлахъ непосредственныхъ результатовъ дѣятельности Диккенса. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, менѣе другихъ вещей имѣетъ значеніе «Пиквикъ»; только съ этой точки зрѣнія. Какъ картина правовъ, какъ сатира, цорую ядовитая сатира самодовольства «почтенныхъ»

классовъ», Пиквикъ значить очень много. Но этой стороной Форстеръ вообще не касается. Вотъ почему для него «Пиквикъ» имѣеть только то общественное значеніе, что романъ этотъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительное устройство мѣстъ заключенія для несостоятельныхъ должниковъ. «Оливеру Твисту» и «Никлеби» Форстеръ приписываетъ болѣе значенія, потому что непосредственные результаты ихъ были важнѣе: «Твистъ» повелъ къ преобразованію приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, а «Никлеби» положительно стеръ съ лица земли отвратительныя йоркшёрскія школы, гдѣ господствовали страшныя злоупотребленія, невѣжество и жестокость. Изъ книгъ Форстера мы узнаемъ, что Диккенсъ, когда писалъ «Никлеби», прямо и имѣлъ въ виду такой результатъ. О йоркшёрскихъ школахъ онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ, и рассказы о нихъ глубоко запаали въ его душу, какъ все горе бѣдности, вынесенное имъ изъ дѣтства. Потомъ, онъ нарочно ѣздилъ осматривать школы въ Йоркшёрѣ, чтобы обличить ихъ предъ всѣмъ свѣтомъ.

Въ 1840-мъ году, Диккенсъ раздѣлся со своими тягостными первоначальными контрактами тѣмъ, что онъ былъ освобожденъ издателемъ Бэнтли отъ поставки ему еще одной повѣсти (Barnaby Rudge) съ тѣмъ, что Диккенсъ купилъ отъ Бэнтли право дальнѣйшихъ изданій «Оливера Твиста», и все количество еще нераспроданныхъ въ то время экземпляровъ за 2,250 фунтовъ. Еще до окончанія «Никлеби», Диккенсъ заботился «прискать ему преемника», иными словами помышлялъ и разсуждалъ съ Форстеромъ о томъ, какимъ образомъ ему работать дальше, то-есть когда «Никлеби» будетъ оконченъ. Ему пришло въ мысль издавать нѣчто въ родѣ дешеваго беллетристическаго журнала, котораго главнымъ сотрудникомъ былъ бы онъ самъ, а другихъ сотрудниковъ онъ бы выбиралъ по усмотрѣнію. Этотъ журналъ былъ бы нѣчто въ родѣ беллетристическаго фельетона, такъ что въ немъ, въ формѣ связанныхъ разсказовъ, появлялись бы и отголоски по текущимъ явленіямъ общественной жизни и разнообразныя общественныя типы, причѣмъ, для сохраненія нѣкоторой нити между отдѣльными разсказами, предполагалъ употреблять нѣкоторыя изъ известныхъ своихъ лицъ въ качествѣ часто возвращающихся свидѣтелей происходящаго, такъ именно самого мистера Пиквика и Самуэля Уэллѣра. Форстеръ былъ его посредникомъ въ переговорахъ съ издателями, и условія, на которыхъ Диккенсъ взялся за эту работу, были уже совсѣмъ не похожи на прежнія. Они были таковы, что издатели несли весь рискъ, а барыши дѣлились поровну между авторомъ, который въ счетъ ихъ получалъ и опредѣленный за-

работокъ, и по прошествіи пяти лѣтъ дѣлался положительнымъ собственникомъ изданія.

Названіе для этого сборника Диккенсъ придумалъ такое: «Master Humphrey's Clock». Первый разсказъ, написанный для этого предполагаемаго сборника, былъ «Лавка Древностей» (the Old Curiosity Shop), которая должна была появляться только въ числѣ другихъ составныхъ частей сборника. Но начавъ писать этотъ разсказъ, Диккенсъ тотчасъ увлекся имъ, сжилъ съ своими лицами, и вышло, что выпуски сборника такъ и состояли исключительно изъ этого разсказа Диккенса. Вотъ нѣсколько словъ изъ того, что онъ писалъ Форстеру, когда кончилъ этотъ разсказъ (1841): «Вчера, когда вы ушли, я взялъ свой рабочій индусъ и пошелъ работать наверхъ; я писалъ до 4 часовъ утра и кончилъ эту старую повѣсть. Мнѣ теперь грустно при мысли, что всѣ эти люди потеряны для меня навсегда, и я чувствую, какъ будто никогда не буду въ состояніи пристраститься къ новому кругу дѣйствующихъ лицъ».

Диккенсъ по какому-то капризу или предразсудку всегда ѣзжалъ за-городъ наканунѣ выхода въ свѣтъ перваго выпуска каждаго изъ своихъ произведеній; ему какъ будто казалось, что будучи внѣ Лондона, онъ и услышать опять, что первый день продажъ представилъ успѣхъ, какъ то было съ Пиквикомъ и Никлеби. Такъ онъ уѣхалъ и передъ первымъ выпускомъ сборника. На другой день Форстеръ пріѣхалъ къ нему въ Ричмондъ съ извѣстіемъ, что въ день были распроданы всѣ 60 тысячъ различныхъ экземпляровъ и получено еще заказовъ на 10 тысячъ.

Затѣмъ въ сборникѣ стала являться повѣсть Barnaby Rudge, равно задуманная и нѣсколько разъ откладываемая. Barnaby Rudge долженъ былъ состоять изъ десяти-мѣсячныхъ выпусковъ такого же объема, въ какихъ выходили «Пиквикъ» и «Никлеби». За продажу этихъ выпусковъ и право изданія въ теченіи всего года мѣсяцовой еще, Диккенсъ получилъ уже три тысячи фунтовъ. Такимъ образомъ, десяти-мѣсячная работа его въ это время уже оплачивалась дороже чѣмъ 20-ю тысячами рублей, и сверхъ того, изданіе въ томъ же году возвращалось въ его собственность и могло быть продаваемо вновь. На Barnaby Rudge предполагенный сборникъ такъ и прервался. Условія, заключенныя имъ съ издателями на слѣдующее произведеніе (которымъ оказался впоследствии Martin Chuzzlewit), были уже таковы: двадцать выпусковъ, за каждый ему помѣсячно по 200 фунтовъ, то-есть всего 4,000 фунтовъ, и сверхъ того $\frac{3}{4}$ всего барыша ему, а только $\frac{1}{4}$ издателямъ. Въ счетъ этихъ $\frac{3}{4}$, издатели обязались платить ему до начала книги, впередъ 150 фунтовъ помѣсячно,

въ теченіи года. Пользуясь этимъ годомъ отдыха, Диккенсъ и отправился въ Америку.

Диккенсъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ радикаль. Къ парламенту онъ питалъ мало уваженія и въ «Пиквикѣ» довольно насмѣялся надъ самодовольствомъ тѣхъ классовъ, которые были въ то время представляемы въ парламентѣ, и надъ самими парламентскими нравами и парламентскимъ краснорѣчіемъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, онъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ тѣми бѣдствіями, которыхъ въ то время еще не касалась парламентская дѣятельность; а во-вторыхъ, съ тѣми условіями, какія существовали тамъ, гдѣ парламентовъ не бывало, онъ вовсе знакомъ не былъ. Въ Америкѣ первая поѣздка Диккенса была настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Въ каждомъ штатѣ его встрѣчали почетныя лица, въ театрахъ давали особыя представленія и брали баснословныя цѣны, когда онъ обѣщалъ показаться тамъ народу; при входѣ его въ театръ вставали и т. д. Рѣчи Диккенса въ защиту правъ англійскихъ издателей противъ американской контрафакціи отчасти охладили этотъ энтузіазмъ, и вызвали брань на него въ американскихъ газетахъ, однимъ словомъ, испортили отчасти и его впечатлѣнія въ этой странѣ. Но никто не опредѣлилъ лучше всего значенія Диккенса, какъ знаменитый Даніэль Уэбстеръ, который сказалъ, что «Диккенсъ сдѣлалъ для улучшенія положенія бѣдныхъ въ Англій болѣе, чѣмъ всѣ политическіе люди, какихъ Англія когда-либо назначала въ свой парламентъ».

Л. П.